

1857

Н. А. СТЕПАНОВУ**11 января 1857. Петербург**

В этих листах, кажется, нет ничего затруднительного: впрочем, не знаю, как решит комитет: потрудитесь послать их туда, там посланный Ваш и назад их получит тотчас же.

Вы знаете, что Контский подал жалобу на Вас, на меня, на Северн<ую> пчелу и на Елагина: жалоба с нашими ответами пойдет в Главн<ое> управл<ение> цензуры. Будьте осторожнее: в нынешних листах сомнительны лица Кокорева и Самойлова, да еще один толстяк очень похож на сенатора Кочубея. Не знаю, что скажут. Поговаривают, что Удочка русского человека тоже возбуждает толки.

До свидания.

Ваш Гончаров.

11 янв<аря> <18>57.

Ф. А. КОНИ**1 февраля 1857. Петербург**

Милостивый государь Федор Алексеевич,

по желанию Вашему я вторично докладывал комитету Ваше объявление о замене Пантеона двумя сборниками в нынешнем году, но комитет, несмотря на сделанные Вами изменения, не счел себя вправе одобрить этого в печать, потому что два сборника в год могут быть изданы только с разрешения Главн<ого> управления цензуры, как Вы усмотрите из записанной мною на объявлении резолюции комитета. Поэтому Вам нужно будет подать в комитет об этом просьбу. В первый же раз я доводил до сведения комитета Ваше объявление потому только, что это случай новый, по крайней мере для меня, и я желал знать мнение комитета и правила, какими должно руководствоваться, а не потому, что предположил желание с Вашей стороны вовсе прекратить журнал, как Вы заметили в Вашем письме. Примите уверение в моем почтении и преданности.

И. Гончаров.

1 февр<аля> 1857.

Корректura объявления при этом препровождается. Если бы Вам понадобились какие-нибудь подробные объяснения по вопросу об издании сборника, то не угодно ли обратиться к секретарю комитета или же повидаться со мной: в последнем случае - я готов принять Вас всякое утро до 3-х часов.

А. В. ДРУЖИНИНУ**12 февраля 1857. Петербург**

Очень жалею, любезнейший Александр Васильевич, что нахожусь вне всякой возможности сделать что-нибудь для рекомендованного Вами доктора, во-1-х, потому, что я никогда не решаюсь говорить за человека, которого я лично не знаю с хорошей стороны, а во-2-х, я у князя не имею никакого весу и, если пользуюсь его расположением, так по той же причине и в такой же степени, как Вы, Павел Вас<ильевич>, Лажечников и прочие, и мне приходится иметь с ним сношения только по нашей общей службе. Если же бы Вы захотели сделать что-нибудь для этого лекаря, то я могу Вам посоветовать побывать у князя самим, и как он благосклонен к литераторам вообще, к Вам особенно, то конечно сделает для Вас всё, что возможно. А мне, повторяю, о постороннем службе деле просить было бы неловко.